

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-610-622

Как возможна социология эмоций, и что она дает для понимания счастья и справедливости*

И.В. Троцук

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия
(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию-размышление по мотивам работы Скотта Харриса «Приглашение в социологию эмоций» (Пер. с англ. О.А. Симоновой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020). Безусловно, учебник — не тот тип научной литературы, который нуждается в рецензировании после опубликования, но данная книга требует определенной «презентации», поскольку социология эмоций — одна из маргинальных областей отечественной социологии, по крайней мере, с институциональной точки зрения. Кратко охарактеризовав истоки и проявления «аффективного поворота», автор уточняет его последствия для социальных наук (признание культурной обусловленности эмоций, восприятие в ходе социализации «эмоциональных стандартов» в контексте «эмоциональных матриц» своего общества и т.д.), а затем реконструирует социологическую модель изучения эмоций, предлагаемую Харрисом: опора на символический интеракционизм и теорию социального обмена, анализ нормативного аспекта эмоций (культурные ожидания относительно того, что следует чувствовать в конкретных ситуациях, социальные стандарты оценки приемлемости эмоций и т.д.) и описание «процессуальной» стороны эмоциональной жизни (обмен и управление эмоциями, идентификация эмоций и «эмоциональный труд»).

Ключевые слова: эмоции; социология эмоций; аффективный поворот; эмоциональные нормы; эмоциональный труд; управление эмоциями; счастье; справедливость

Исторически развитие социологической науки было связано с отмежеванием от психологической проблематики, прежде всего, личностно-эмоциональной — как слишком зыбкого основания для социального порядка: социальные факты мыслились как некие объективные столпы общественного устройства, непоколебимые волнами индивидуальных, групповых и

---

* © Троцук И.В., 2021

Статья поступила в редакцию 22.04.2021 г. Статья принята к публикации 04.06.2021 г.

массовых эмоциональных стихий, хотя и подверженные соответствующим изменениям. Со временем принципиальный антипсихологизм социологического подхода несколько ослаб, и сегодня мультидисциплинарный характер социологии, признавшей необходимость сотрудничества с социальными психологами и модифицирующей под свои задачи психологические методики, определяет разное отношение социологов к эмоциональному измерению частной и общественной жизни.

В российской социологии эмоции как предмет исследования занимают маргинальное положение: например, в программе и сборнике тезисов VI Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов», который должен был состояться в Тюмени 14–16 октября 2020 года, но в условиях пандемии был отложен на год, эмоции не упоминаются в названии ни одной из 35 секций и 16 круглых столов. Иную ситуацию мы наблюдаем на сайте Европейской социологической ассоциации: исследовательский комитет «Социология эмоций» был создан в 2003 году — первоначально как исследовательское направление «Социология любви и ненависти: эмоции», в 2004 году он был преобразован в комитет, организующий секции на всех европейских социологических конгрессах. Комитет позиционирует себя как институциональный результат социологического интереса к эмоциям, который оформился в 1970-е годы: это и попытка особого теоретизирования (разработка методологических оснований исследования эмоций как одного из фундаментальных оснований социальной жизни), и совокупность тематических акцентов (взаимосвязь эмоций и форм социального неравенства, возрастающая роль «эмоционального капитала» в организационном управлении, влияние эмоций на политику и судопроизводство — сферы, традиционно воспринимаемые как предельно рациональные, и т.д.) в целом ряде социологических дисциплин (социология культуры, социология политики, социология организаций, социология социальных движений, социология миграции, экономическая социология и т.д.).

Речь идет не о научно-популярной гиперболизации субъективного компонента социальной жизни, когда, например, утверждается, что «если страдание не воспринимается как таковое, то это вообще не страдание, ибо это не объективная, а субъективная категория, связанная с переживанием» [1. С. 67]. И не о распространенных сегодня попытках сочетать достижения менеджмента и психотерапии в поисках путей обретения счастья и гармонии с окружающим миром, хотя лежащий в основе этих попыток отказ от модели «человека экономического» как «подчиненного лишь логике поиска выгоды» [6. С. 11] в пользу более реалистических объяснений показал, что нередко внешне рациональное поведение таковым не является, в его основе могут лежать странности внутреннего мира («внутренние взбесившие кинг-конги»): «люди действуют и делают тот или иной выбор под влиянием сложных и иррациональных эмоций, поэтому человек, только что совершивший благороднейший поступок, может тут же повести себя как подлец» [6. С. 27].

Обращение социологов к эмоциям как достойному их внимания предмету обусловлено «аффективным поворотом», одно из проявлений которого — становление междисциплинарной области исследований «история эмоций». Ее представители реконструируют контуры эмоциональной культуры разных эпох, выявляя механизмы культурной обусловленности индивидуального переживания: в ходе социализации мы усваиваем предлагаемые культурой «эмоциональные матрицы» (образцы чувствования и реагирования на те или иные ситуации), во многом благодаря ключевым «текстам» эпохи (художественная литература и формы массовой культуры, презентующие модельные образцы эмоционального поведения для разных социальных контекстов и типажей) [см., напр.: 4]. Так, Н. Элиас связывал становление европейской цивилизации с институционализацией практик контроля над проявлениями эмоций, а К. Гирц обосновывал культурную обусловленность эмоций тем, что окружающие нас социальные ритуалы, мифы и искусство показывают и навязывают нам «публичные образы чувствования» (С. 14). Значительно раньше эмоциональность была признана важной чертой социального мышления и проектирования в утопических проектах (например, Т. Мора), поскольку аффективное измерение утопического жанра позволяло его представителям разрабатывать экзистенциальные и этические принципы новой социальной жизни, не отвлекаясь на «комариную тучу мелких забот» [5. С. 116].

К 1970-м — 1980-м годам «аффективный поворот» проник в социологию, заставив и ее представителей признать, что «все общества имеют свои эмоциональные стандарты... Изменения в эмоциональных стандартах многое говорят и о других социальных изменениях, а могут и способствовать им... Человек может входить одновременно в самые разные как социальные, так и текстуальные сообщества, порой предлагающие ему не совпадающие между собой системы норм и ценностей», в том числе в эмоциональной сфере [4. С. 15–16]. Однако до сих пор обращение к эмоциональному измерению социальной жизни часто считается «психологизированием» — «неким методологическим сбоем, недостатком», поскольку «язык психологии» якобы способен «загрязнить социологически нейтральный подход» [5. С. 74]. И книга Харриса призвана показать, как следует изучать эмоции, чтобы остаться в рамках социологической «нейтральности».

Харрис категорически обходит проблему биологической обусловленности эмоций [см., напр.: 8; 11; 13], лишь констатируя в начале книги, что они «настолько же обусловлены социально, насколько и биологически», и сосредотачивается на «пяти социальных измерениях наших чувств» (С. 7–8): эмоции регулируются/формируются культурными нормами (наша «внутренняя полиция»); мы управляем/«исполняем» эмоции («подобно актерам на сцене»); мы постоянно отслеживаем эмоциональный уровень взаимодействий вокруг нас («измеряем»/оцениваем эмоции на основе культурных представлений); эмоции явным и неявным образом включены в трудовые процессы («эмоциональный труд» и «эмоциональный дисплей»); мы определяем/называем эмоции в

соответствии со сложившимся в культуре словарем, где зафиксированы приемлемые/конвенциональные «способы описания того, что человек или группа предположительно чувствует» (С. 8). В предисловии Харрис уточняет, что книга основана на работе Арли Хокшильд «Управляемое сердце: Коммерциализация человеческих чувств» [10] и представляет собой развитие этой проблематики во временной (более поздние примеры и эмпирические исследования) и обучающей (аннотированные списки для дальнейшего чтения и практические задания, «чтобы “протестировать” обсуждаемые концепции на жизненных ситуациях») перспективах.

Учитывая перечисленные особенности книги Харриса, нет смысла воспроизводить ее структуру и содержательные акценты, поэтому суммируем тот категориальный аппарат, что автор предлагает социологу для обогащения его исследовательского инструментария. Прежде всего, нам необходимо социологическое определение эмоций, к которому Харрис подходит от противного — перечисляя те заблуждения, от которых нам следует отказаться. В отличие от мышления и поведения («респектабельные и важные темы», обладающие «аурой серьезности и значительности»), «чувства находятся под подозрением... — эмоции часто умаляют и считают незначительными» (С. 15), что неверно, поскольку они вездесущи («расцветивают и придают смысл практически всему нашему опыту — от рутинных до экстраординарных ситуаций») и «неразрывно связаны практически с любыми “большими” вопросами, которые люди считают жизненно важными и имеющими серьезные последствия» (С. 17). Например, потеря работы может порождать чувства незащищенности, тревоги и опустошенности, а позитивные эмоции поддерживают нашу идентичность и социальные связи. Хотя эмоции имеют генетический базис, их социальное измерение неустранимо — «культурные правила предписывают людям, как переживать и выражать эмоции» (С. 19). Соответственно, эмоции нельзя рассматривать как неизбежные и автоматические реакции — люди могут творчески их использовать/контролировать, пусть и с переменным успехом: мы можем управлять признаками испытываемого чувства (скрывать волнение во время собеседования или публичного выступления), т.е. модифицировать внешнее выражение эмоций, или же пытаться изменить свои реальные чувства (подбадривая себя в сложной ситуации).

Другим заблуждением Харрис считает противопоставление эмоций как чего-то иррационального логическому мышлению («субъективные, загадочные и странные..., затуманивают наш разум» — С. 23): мы часто рационально отслеживаем эмоциональные нормы, чтобы просчитать издержки и выгоды от управления и обмена эмоциями в разных социальных ситуациях (ведем «мысленную бухгалтерскую книгу» своих эмоциональных «доходов» и «расходов»). Иными словами, следует перестать связывать эмоции «с иррациональными или глупыми действиями вместо рациональных и мудрых. Эта тенденция в большей степени определяется нашей культурной политикой по отношению к эмоциональной жизни, чем наблюдениями за отношением

между чувством и действием» [10. С. 315]. Такой эмоциональный «рационализм» не позволяет считать эмоции сугубо частным делом, а индивидуальный эмоциональный опыт — уникальным, неповторимым и непознаваемым: «эмоциональные нормы являются культурно разделяемыми ожиданиями, которые управляют индивидуальными чувствами и реакциями людей на эти чувства... наши эмоциональные состояния постоянно становятся публичными событиями и даже товаром, вопреки широко распространенному мнению об их приватном характере» (С. 26). Другим проявлением рассматриваемого заблуждения является предубеждение, что даже сам человек часто не может выразить свои эмоции, однако за описания собственных и чужих чувств отвечают социальные факторы — устойчивые наборы понятий, сложившиеся в конкретном языке, определяемые культурными нормами и дифференцируемые по сферам деятельности.

Отказываясь от поиска единственного и окончательного определения эмоций, Харрис выделяет два условных подхода: либо краткие и минималистичные трактовки (эмоции — реакции, обусловленные предшествующим социальным опытом), либо пространные и «плотно упакованные» перечисления характеристик эмоций. Он опирается на определение Хокшильд, которая рассматривает эмоции как аналог зрения, слуха и обоняния (обеспечивают нас информацией о мире и подготавливают к действию), но отмечает их связь с нашим восприятием ситуации и контекста («ключ к тому, о чем думаем мы или другие») (С. 31). «Эмоция — это чувство, которое говорит о саморелевантности реальности: по нему мы делаем вывод о том, что должны хотеть или ожидать, или как должны воспринимать мир. Эмоция — один из способов раскрыть глубоко скрытые взгляды на вещи... Правила, касающиеся типа, интенсивности, длительности, своевременности и уместности чувств, — это руководящие принципы общества, подсказки от невидимого режиссера» [10. С. 145].

Последующие разделы книги посвящены детальному и категориально насыщенному обоснованию возможности и необходимости социологического изучения эмоций. Так, во втором разделе Харрис определяет эмоциональные нормы как расширение понятия «социальные нормы», т.е. это «культурные ожидания относительно того, что следует людям чувствовать в разных типах ситуаций; или социально разделяемые стандарты оценки приемлемости эмоций, которые мы переживаем и выражаем» (С. 35), а потому поведение человека может быть как эмоционально нормальным, так и эмоционально девиантным. Харрис выделяет шесть характеристик эмоциональных норм:

- вездесущность и невидимость (мы осознаем эмоциональные нормы в моменты их нарушения [см. также: 14]);
- приведение в действие посредством слабых (неодобрительные взгляды и замечания) и сильных (остракизм) санкций: тот, кто своими эмоциональными реакциями заслуживает звания «никогда не бывает

счастливым», испытывает серьезные проблемы в общении с близкими, на брачном рынке и в профессиональной сфере, поскольку наша внешняя «счастьливость» также социально нормирована;

- усвоение в процессе прямой (значимые другие открыто объясняют нам эмоциональные нормы) и непрямо́й (наблюдение за эмоциональными дисплеями окружающих, в том числе через инструменты массовой культуры) эмоциональной социализации, в ходе которой используются позитивные и негативные подкрепления, помогающие нам усвоить «правила чувствования (переживания)» и «правила выражения эмоций»;
- кросс-культурная (изменение от группы к группе) и темпоральная/историческая вариативность (изменение во времени): сегодня социальной нормой стала «счастьливость», над обретением которой следует систематически работать, и для кого-то «несчастный» эмоциональный дисплей считается категорически недопустимым, например, для новобрачных [см. также: 12; 15];
- неоднозначность и противоречивость даже в рамках одной культуры и периода времени — эмоциональные нормы часто двусмысленны или неоднозначны (считается правильным быть счастливым и благодарным, но в какой степени и форме?), подвержены влиянию личностно-индивидуальных и субкультурных различий;
- отражение и поддержание социального неравенства («когнитивные системы верований» и идеологии неизменно подкрепляются эмоциональными нормами), т.е. доминирующие группы определяют характер «эмоциональной компетентности» и допустимые эмоциональные реакции, например, на социальную несправедливость; эмоциональные нормы имеют гендерные, поколенческие и иные особенности.

Опираясь на концепцию Хокшилд, Харрис очерчивает «репертуар эмоционально отклоняющегося поведения» (эмоциональных девиаций): выражение чувства неверного типа, т.е. «аморального, нелогичного или неподходящего» (горюющая на свадьбе невеста); выражение правильного чувства, но не в том «количестве» или не той интенсивности (чрезмерное счастье или любовь); выражение чувства в течение неприемлемого по длительности периода (человек горюет месяцами по умершему хомяку или через пару дней после смерти супруги отправляется на свидание); несвоевременная эмоциональная реакция (преждевременная или отложенная); неуместное выражение чувств (перед неподходящей аудиторией или в неподходящем месте).

Наиболее интересующий автора социологический аспект эмоционального поведения — управление эмоциями. Следуя «театральной метафоре» И. Гофмана, Харрис рассматривает социальное взаимодействие как своего рода актерскую игру с разной степенью погружения как в ситуацию, так и в собственные эмоции. Он выделяет два типа контроля эмоций: внешнее/поверхностное исполнение (изображение чувства, которое мы не испытываем,

чтобы проконтролировать его восприятие окружающими) и глубокое исполнение (одновременно создание впечатления и «воспитание» в себе желательного/нужного эмоционального состояния), различающиеся целями — управление тем, что окружающие думают о моих эмоциях, или стремление заставить себя пережить то чувство, которое я изображаю (поверхностное исполнение может стать глубоким). В первом случае человек использует такие приемы, как подбор слов (чтобы скрыть скуку, раздражение, гнев и пр.) и тона голоса (чтобы имитировать энтузиазм или нейтрализовать критическую ситуацию), контроль экспрессивной мимики и телесных жестов (чтобы создать определенное впечатление), подбор внешних атрибутов (одежда, татуировки, прическа, макияж, физические объекты). Иными словами, «выражаемые эмоции не являются просто естественными, неизбежными или автоматическими. Люди могут “работать” над чувствами, которые они показывают..., “подделывая” или по крайней мере изменяя свой эмоциональный дисплей» (С. 67). Во втором случае задействуются такие техники, как телесное глубокое исполнение (человек старается «вызвать» или «приглушить» чувство за счет фокусировки на своем физиологическом состоянии), экспрессивное глубокое исполнение (приведение чувств в соответствие с их внешними проявлениями) и когнитивное глубокое исполнение (изменение интерпретации ситуации, чтобы почувствовать себя в ней по-другому — «не можешь изменить ситуацию — измени отношение к ней»).

Три типа глубокого исполнения взаимосвязаны, их разведение лишь «помогает нам выделить главное социальное измерение человеческих эмоций — управление ими», или «эмоциональную работу» (С. 76). Последняя всегда имеет межличностный характер (даже в одиночестве мы ориентируемся на других), но может быть как искренней (отчаяние студента, у которого накануне экзамена сломался компьютер), так и нечестной (супруг старательно изображает счастье, чтобы сохранить брак). Однако и это весьма условные особенности управления эмоциями, поскольку мы «не всегда точно знаем, что реально переживаем в данный момент..., и не подвергаем себя систематическому наблюдению, т.е. не можем в полной мере оценить степень, в которой люди модифицируют и, возможно, “подделывают” свои эмоции» (С. 84). По сути, Харрис конкретизирует применительно к сфере эмоций идею об интенциональности нашего бытия: «Социальный индивид в значительной степени (если не полностью) представляет собой продукт интенциональных действий других людей. Но как только мы приобретаем способность размышлять о себе и некоторую долю независимости, мы начинаем формировать себя сами» [7. С. 43].

Начиная с «управленческого» раздела, Харрис показывает, как работают классические социологические понятия в сфере изучения эмоционального измерения социальной жизни. Так, согласно теории обмена, люди — «рациональные гедонисты», для которых ситуации выбора телевизора или друзей различаются только критериями оценки «товара», но не принципами

взаимодействия (С. 88–89), например, «принципом убывающей предельной полезности» (все последующие покупки считаются менее ценными, чем предыдущие). Конечно, взгляд на общество с эконометрически-обменных позиций («жизнь — это торг» [9. С. 62]) порождает слишком «роботизированную» его картину, в которой каждый ведет бесконечные подсчеты своего социального «дебита-кредита», но Харрис уточняет, что обменные отношения не всегда основаны на поиске выгоды — возможны альтруистические взаимодействия из чувства долга, лояльности, по любви, в соответствии с убеждениями и пр. Например, «героические поступки часто совершаются такой ценой, что сколь угодно сильное восхищение общества не может служить компенсацией... Подобное презрение к материальному эгоистическому интересу люди демонстрируют во многих обстоятельствах — мы часто готовы заплатить за торжество справедливости» [9. С. 227]. Эмоции объясняют, почему люди чаще ведут себя честнее по отношению к другим, чем к крупным институтам: обмануть человека считается более аморальным поступком и вызывает большее чувство вины у обманщика и больший гнев окружающих, чем если бы он украл что-то из большого магазина или недоплатил налоги). «Многие люди в большинстве случаев стараются проявлять справедливость, доброту и честность, особенно по отношению к “своим”... Нам свойственно делиться, сотрудничать и выручать друг друга из беды» [11. С. 19].

Наши «обмены», в том числе эмоциональные, могут основываться на принципах безвозмездности (альтруистическая помощь пострадавшим и нуждающимся), взаимности (ожидания возмещения предоставленных благ или выгод в будущем) и дополнительности (исходя из социальных ролей, например, родители и дети следуют социальным обязательствам, а не расчетам издержек и выгод), и мы достаточно легко сочетаем или переключаемся между разными логиками обмена в разных контекстах. Соответственно, не все аспекты теории социального обмена универсальны, и для изучения эмоций ее следует использовать двояко: с одной стороны, мы можем интерпретировать эмоции с помощью ее основных принципов и понятий (даже «любящее» поведение может включать в себя расчет издержек и выгод, что выражает поговорка «можно выходить замуж по расчету, главное — чтобы расчет был верным»). С другой стороны, мы можем дополнить теорию социального обмена эмоциональным измерением, чтобы, например, оценить роль эмоций в восприятии людьми справедливости обмена. Отношения обмена неизбежно порождают у их участников определенные чувства, обусловленные восприятием справедливости/несправедливости происходящего (недостаточная компенсация или чрезмерное вознаграждение), причем как на «выходе» (эмоции — «результат рациональных расчетов относительно распределения издержек и вознаграждений» — С. 94), так и на «входе» (студенты, сравнивая возможные карьерные пути, просчитывают не только объективные экономические перспективы, но предполагаемые профессией положительные и отрицательные эмоции). Наша социализация начинается с усвоения эмоциональных норм,

которые становятся своего рода «точкой отсчета» для развития дальнейших навыков социального взаимодействия в контексте культурных ожиданий: прямо и косвенно детей обучают правильным формам «эмоционального дисплея» и расчетам справедливости обмена, например, от женщин ожидают больше «эмоциональных даров». Так, «сочувствие формируется посредством рациональных калькуляций и определяется целым рядом разнообразных социальных факторов. Каждый человек имеет “биографию” сочувствия — историю или образец получения и выражения сочувствия. Предшествующий опыт формирует количество “кредитов сочувствия”, которые люди имеют на своих “счетах сочувствия”... Сочувствие дрейфует в “социально-эмоциональной” экономике, т.е. в системе, которая формируется нормативным пониманием надлежащего поведения и рациональными подсчетами относительно затрат и вознаграждений» (С. 99–100).

Если неформальные и немонетарные обмены люди оценивают как несправедливые, то возникающее сомнение влияет на эмоциональные переживания участников взаимодействия. Избавиться от недоверия здесь сложно, потому что «межличностные товары» могут оцениваться на основе разных критериев, их ценность может меняться со временем [см., напр.: 15], не только разные люди, но и один человек может изменить свое мнение или же испытывать двойственные чувства. Чувство несправедливости выступает сильным поведенческим стимулом, невзирая на утопичность идеи справедливого общества и обусловленное оценками его (не)достижимости состояние (не)счастья [17. С. 59, 117]: «Тот, кто страшно раздражается, когда с ним поступают несправедливо, не нуждается в формальном контракте, который обязал бы его мстить. Он все равно будет стремиться отомстить, потому что хочет этого, даже когда с чисто материальной точки зрения это себя не оправдывает... Чувство справедливости может выступать в качестве механизма обязательства, необходимого для решения проблемы торга... Заботиться о справедливости — это как подписать контракт, который не даст принять невыгодные условия односторонней сделки» [9. С. 65].

Такая модель объяснения честности и социальной справедливости была разработана давно, но Харрис дополнил ее антропологически-эволюционную версию эмоциональным аспектом. Согласно этой версии, «человечество развивалось в группах, где каждый мог предложить сотрудничество и получить такое же предложение от разных людей. Кроме того, у людей в ходе эволюции сформировалась активная заинтересованность в делах других, так что информация о том, как вы ведете себя по отношению к ним, обычно распространяется далеко за пределы круга заинтересованных лиц (репутация). Поэтому каждый может существенно выиграть за счет честного взаимовыгодного поведения» [2. С. 218]. Первоначально вопросы о предрасположенности людей к сотрудничеству и чувству справедливости рассматривали философы и писатели, затем к ним присоединились экономисты и эволюционные биологи, используя модель обменов и теорию игр, а позже — эволюционные антропологи

и психологи, показав, что в основе сотрудничества людей на принципах справедливости (кооперация в общих делах на взаимовыгодной основе с честным распределением результатов) лежат как общественные условия, так и психологические факторы, т.е. эмоции [2. С. 208].

Предлагаемую Харрисом «оптику» и «риторику» можно применить и к изучению счастья. Современное общество требует от человека быть счастливым и считает несчастье его личной ответственностью (невзирая на объективные обстоятельства его жизни). Несмотря на то, что «не существует единого пути к счастью, единого набора действий, которые обеспечат благополучие или довольство всему человечеству, ... и каждый из нас приходит в жизнь со своими особенностями и накапливаемый нами жизненный опыт ведет к тому, что удовлетворение и радость нам доставляют совершенно разные вещи» [11. С. 206], множество современных руководств, тренингов и медийных дискурсов, по сути, обучают человека техникам описанного Харрисом поверхностного исполнения (внешнее изображение счастья, чтобы окружающие считали, что у нас все хорошо) и когнитивного глубокого исполнения (убеждение себя, что у тебя все хорошо — по неким универсальным ценностным критериям или в сопоставлении с теми, кому «значительно хуже»). «Люди активно изменяют свои эмоции посредством поверхностного и глубокого исполнения, так как вовлечены в обменные отношения с другими людьми» (С. 95). В результате «быть счастливым — это в какой-то степени решение, но оно дается не только логически, это еще и эмоциональный процесс. Мало хотеть быть счастливым, нужно приложить для этого усилия, но при этом не перестараться» [3. С. 318].

Кстати, на примере «счастья» Хокшилд объясняет принципиальное отличие психологической и социологической трактовки эмоциональных конвенций [10. С. 109–114]: несчастный вид невесты на свадьбе психолог объяснил бы тревожностью или неоднозначным отношением к браку, а социолог рассмотрел бы свадьбу как ритуальное событие, в котором важное значение имеет управление эмоциями. Невеста знает о необходимых правилах внешнего проявления ее радости и счастья, но имеет некоторую свободу выбора из этих правил, когда «играет невесту»: если между событием (свадьба), мыслями и чувствами о нем ощущается единство, то ритуал срабатывает. У любой эмоциональной конвенции есть некоторое пространство для ошибок и отступлений: хотя невеста должна быть красивой и счастливой, ей позволено испытывать определенную степень тревоги, демонстрирующую ее серьезное отношение к браку. «Ощущая разрыв между идеальным чувством и реальным чувством, которое она испытывает, невеста настраивает себя на то, чтобы “быть счастливой”..., и ее эмоциональная работа вызывает эмоцию и даже не фальшивую... Гофман и другие социологи считают первостепенным и поиски выгоды на общественной сцене. Невеста может стараться быть счастливой, чтобы завоевать любовь родственников мужа, вызвать зависть у незамужних подруг или ревность у бывшего поклонника» [10. С. 112–113].

Понятия счастья и справедливости имплицитно вплетены и в наиболее интересную для Харриса проблематику — эмоционального труда, который он определяет как «оплачиваемое управление собственными эмоциями и работу с чувствами других людей» в тех сферах занятости, где от «работников требуется прямое и частое взаимодействие с клиентами»: горничные, кассиры, парикмахеры, крупье, медсестры, бортпроводники, адвокаты и пр. «должны “делать” покупателей (относительно) удовлетворенными и счастливыми..., снижать страх и тревогу клиентов» (С. 107). Впрочем, он уточняет, что практически каждая профессия требует определенного количества эмоционального труда даже без социальных взаимодействий, потому что любой работник часто вынужден бороться с чувством тревоги и культивировать в себе энтузиазм для выполнения трудовых задач. Харрис выделяет четыре способа, с помощью которых работодатели воздействуют на эмоциональный труд своих работников: три стратегии контроля (проверка навыков управления эмоциями при приеме на работу, явное и неявное обучение стратегиям поверхностного и глубокого исполнения, мониторинг и оценка того, как сотрудники выполняют эмоциональный труд) и непрямой метод — реклама, завышающая ожидания покупателей и тем самым увеличивающая количество эмоционального труда, требуемого от работников (например, реклама фастфуда обещает, что еда будет приготовлена и подана «улыбающимися счастливыми сотрудниками»).

Работники могут вырабатывать стратегии сопротивления контролю своего эмоционального труда, прямо и скрытно уклоняясь от соблюдения эмоциональных норм компании. Однако намного сложнее уклониться от эмоциональных правил, встроенных в систему социального неравенства: скажем, очевидна гендерная сегрегация многих профессий, которая определяет как масштабы занятости и различие требований к мужчинам и женщинам, так и ожидаемые от них объемы эмоционального труда. Эмоциональная нагрузка имеет последствия в результате «постоянно повторяющейся манипуляции своими эмоциями» (С. 126): позитивные — развитие навыков и способностей, полезных не только на работе, т.е. получение большего числа вознаграждений в повседневной жизни; негативные — эмоциональное выгорание (до «бесчувственности», «эмоциональной омертвелости»), амбивалентность/дезориентация (расхождение культурных норм, усвоенных в ходе социализации, и требований эмоционального труда, например, у врачей).

Конечно, у читателя может возникнуть определенный скепсис относительно того предельно «калькулируемого» характера социального взаимодействия на эмоциональном уровне, который (убедительно) показан в книге. С одной стороны, идея, что мы значительно более рациональны в своих эмоциональных выборах, чем нам представляется в ходе наблюдений за собой и окружающими, впечатляет и радует (приятно думать, что мы настолько управляем своей жизнью). С другой стороны, наши возможности контроля всего и вся, включая эмоции — свои и окружающих, все же вызывают

сомнения — и в принципе, и с учетом процессов рутинизации и институционализации, которые доводят многие наши действия и реакции до автоматизма. Харрис признает эти ограничения и даже расширяет их список: часто нам сложно понять даже собственные переживания, потому что во многих ситуациях мы испытываем целую гамму эмоций, но не обладаем инструментами для их идентификации, различения и измерения, не говоря уже о социальных, кросс-культурных и исторических различиях лингвистических и визуальных «словарей эмоций»: «Мы можем отмерить сахар чайной ложкой, столовой ложкой или чашкой, но нет такой же системы для измерения испытываемых или выражаемых нами чувств счастья или любви» (С. 139).

Критические замечания к книге Харрис предупреждает в ее заключительном разделе, уточняя, что представил «базовый и довольно избирательный взгляд на социологию эмоций» (С. 167), основная цель которого — «призвать пользоваться социологическими понятиями для исследования окружающего мира»: «социологи, изучающие эмоции, исследуют широкий ряд сложных вопросов, которые могут влиять на вас лично или определять жизнь другие людей, которые вам небезразличны... Исследователи эмоций развивают доступный, интересный и основанный на данных подход, не упрощая, не давая моральных наставлений и избегая индивидуализированного взгляда, свойственного книгам по самопомощи... Социология эмоций способствует совершенствованию стандартного набора социологических умений, включая критическое мышление (например, изучение эмоций может пролить свет на субъективный опыт неравенства за пределами “холодных и неоспоримых фактов”, которые показывают диаграммы и статистика)» (С. 171–172).

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия».

Библиографический список

- [1] *Бирн П.* Жизненный выбор. О многообразии человеческого достоинства. СПб., 2018.
- [2] *Буайе П.* Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие. М., 2019.
- [3] *Геншафт Е.Д.* Игра на нервах. Человек эмоциональный. Минск, 2020.
- [4] *Зорин А.Л.* Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016.
- [5] *Каспэ И.* В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М., 2018.
- [6] *Кетс де Врис М.* Секс, деньги, счастье и смерть: В поисках себя. М., 2018.
- [7] *Си Ду Си Р.* Хаос любви. История чувств от «Пира» до квира. М., 2021.
- [8] *Уилсон Э.* Эусоциальность: Люди, муравьи, голые землекопы и другие общественные животные. М., 2020.
- [9] *Фрэнк Р.Х.* Страсти в нашем разуме: Стратегическая роль эмоций. М., 2017.
- [10] *Хокшилд А.Р.* Управляемое сердце: коммерциализация чувств. М., 2019.
- [11] *Черчленд П.* Совесть. Происхождение нравственной интуиции. М., 2021.
- [12] *Clanton G.* Jealousy and envy // *Handbook of the Sociology of Emotions* / J.H. Turner, J.E. Stets (Eds.). N.Y., 2006.

- [13] *de Waal F.* The Age of Empathy: Nature's Lessons for a Kinder Society. N.Y., 2009.
- [14] *Glenn Ph.* Laughter in Interaction. Cambridge, 2003.
- [15] *Illouz E.* Why Love Hurts. A Sociological Explanation. Polity Press, 2016.
- [16] *Trotsuk I.V.* Some features of an inspiring book; or why sociologists should study love despite its intangibility // Russian Sociological Review. 2017. Vol. 16. No. 4.
- [17] *van Hooff S.* Hope. Durham, 2011.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-610-622

How sociology of emotions is possible, and how it helps to understand happiness and justice*

I.V. Trotsuk

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia

National Research University — Higher School of Economics

Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Abstract. The article is a reflection-review of the book by Scott R. Harris *An Invitation to the Sociology of Emotions* (translated from English by O.A. Simonova; Moscow: HSE; 2020). Certainly, such a type of scientific works does not need a review after publication, but this book requires special attention for sociology of emotions seems to be a marginal area of Russian sociology, at least in the institutional perspective. After a brief description of the origins and manifestations of the ‘affective turn’, the author considers its consequences for social sciences (recognition of the cultural nature of emotions, perception of ‘emotional standards’ in the course of socialization, etc.), and reconstructs the sociological model for the study of emotions as developed by Harris: reliance on symbolic interactionism and the social exchange theory, analysis of the normative aspect of emotions (cultural expectations about how one should feel in different situations, social standards for assessing the acceptability of emotions, etc.) and of the ‘procedural’ side of the emotional life (exchange of emotions, management of emotions, identification of emotions, and ‘emotional labor’).

Key words: emotions; sociology of emotions; affective turn; emotional norms; emotional labor; management of emotions; happiness; justice

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-011-00307 “Subjective and objective measurements of happiness: Justice as a criterion for personal and social well-being”.

---

* © I.V. Trotsuk, 2021

The article was submitted on 22.04.2021. The article was accepted on 04.06.2021.